

Вопросы теории и психологии творчества

Том 8

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 159.9
ББК 88
В74

В74 Вопросы теории и психологии творчества: Том 8 / – М.: Книга по Требованию, 2023. – 289 с.

ISBN 978-5-458-53805-3

ISBN 978-5-458-53805-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КРАСОТЫ.

„Ничего нет и не будет,
кроме бытия“.

Парменид.

I. ОЩУЩЕНИЕ.

Пред вами прекрасный, идеально чистый кристалл горного хрусталя. Вы ощущаете его холод и тяжесть в руке; любуетесь блеском природных граней и переливами радуг, которые он отбрасывает, преломив и разложив в себе яркий луч солнца. При вращении кристалла, эти радужные звезды перебегают по столу, стенам, потолку. Это вызывает радостный крик ребенка, любующегося летающими по комнате радужными бабочками и старающегося поймать их. Любовь, радость, восторг, желание видеть перед собою любимый предмет, ощущать его,—вот психические движения, исчерпывающие полностью все воздействия на нас извне предметов восприятия, которые мы называем прекрасными. Чувства эти могут быть связаны с явлениями и ничего общего не имеющими с красотой. Можно любить очень многое и радоваться какой-нибудь находке, встрече с давно невиданным другом, придти в восторг от какой-нибудь метко сказанной фразы. Эти чувства остаются по существу такими же, как и при восприятии красивых явлений, и присущи, притом же, не одному только человеку. Если бы, действительно, кроме него, никто из живых созданий не обладал способностью любить прекрасное и радоваться ему, то что можно было бы сказать о пении соловья, прелестном оперении колибри или о бесспорно прекрасных формах некоторых животных? Или нужно признать, что способность—назову инстинкт—отличать прекрасное от безобразного присуща всем существам, или же не признать красоты ни в пении соловья, ни в роскошной расцветке хвоста павлина. Если человек любит, как в солнечный день, на зеленом майском лугу, усыпанном одуванчиками, прыгает и выделывает забавные прыжки теленок около тут же мирно пасущейся матки, и как ребенок, смеясь, кувыркается среди цветов вблизи матери, поющей песню и занятой расстиланием для беления холстов на этом лугу,—то и человек, любующийся этой пасторальной картиной и оба наивных создания испытывают одинаковое чувство восторга и радости жизни. Для всех троих

природа и весь мир одинаково прекрасны. Нравиться, возбуждать восторг, любить, вызывать радость—может все прекрасное и во всех живых существах, только в разной степени, согласно ступени, какую занимает индивид в ряду живых существ.

Итак, элемент чувства в определении красоты стоит на первом месте. Но какого характера это чувство? Будет ли вполне правильным назвать его удовольствием или наслаждением? То и другое, несомненно, сродни ощущениям физиологического свойства, грубым и далеким от эстетики. Прекрасные же явления более улавливаются внутренним чувством глубокого удовлетворения. Любовь, радость, восторг—эти положительного характера душевные состояния более подходят к определению эстетических ощущений. Назовем эти чувства положительными и противоположные им—отрицательными. Согласно степени чувства, испытываемого в том и другом направлении, возможно предложить следующие качественные ступени объекта в нисходящем порядке. Предполагаемые ступени приблизительны, между ними могут быть вставлены промежуточные, а равно не имеет значения, если их количество и сократить.

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ:

Божественный
Дивный
Восхитительный
Прекрасный
Изящный
Красивый
Безразличный

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ:

Некрасивый
Грубый
Безобразный
Уродливый
Отвратительный
Возмутительный.

К прекрасному, соединенному с „величественным“, вызывается восторг сильнейшего проявления. Кто был в Швейцарии и подымался из Шайдега на Ляубер-Хорн, тот никогда не забудет охватывающее зрителя чувство. Цепь альпийских гигантов: Юнг-Фрау, Эгер, Монах еще кутается в хлопьях ночного тумана; в ущельях и на снежных полях—холодная голубая цепь, но вершины уже розовеют в лучах утреннего солнца. Еще лежат в глубоких пропастях облака, бездвижные и седые. А там, на север, за ужасающей, разверзающейся под ногами пропастью Ляутер-Бруннена стелется синяя горная страна, не имеющая горизонта и как бы сливающаяся с утренним небом и далекими облаками. Молчание гор только нарушает грохот иногда свергающихся с Юнг-Фрау лавин да едва слышимый, откуда-то снизу, доносится со стороны Ляутер-Бруннена шум водопадов. Чувство, охватывающее зрителя при виде этой картины, трудно определить. Уж менее всего подходит здесь „на-

слаждение“. Сказать, что вид прекрасен—мало, дивный—тоже не вполне определит характер настроения, и только слово „божественный“ даст представление о чем-то, из ряда вон выходящем.

Рассмотрим теперь наисильнейшую степень отрицательного. Положим, идя, вы нечаянно чуть не наступили на полуразложившийся труп лягушки; это вызовет чувство отвращения, и нервного человека заставить даже вскрикнуть. Но если кто-нибудь наткнется на зрелище отвратительное, оскорбляющее притом же нравственное чувство, то не иное определение, как „возмутительный“, заставит впечатлительного человека закрыть руками лицо и бежать. Внутренний критерий как для положительного характера явлений, так и для отрицательного,—один и тот же: это врожденный инстинкт. Но что же соответствует в объекте нашим субъективным ощущениям, положительным и отрицательным? Почему кристалл горного хрусталя в вашей руке радует вас? Почему, положив на стол, опять хочется его взять, любоваться, рассматривать подробности, пробовать его вес на руке, ощущать легкий холод блестящих граней, прикладывая его к щеке? Не имеет ли нечто общее ваше „ликование“ с побуждениями исследователя, который бы, отломив частичку его, истолок в агатовой ступке и, с помощью реактивов, определил бы состав, количественный и качественный, входящих в него химических элементов? Или, не сошлись ли бы вы в основных побуждениях с физиком, который определил бы удельный вес кристалла? Наконец, тот геолог, который стальным молотком выломал из горной породы этот кристалл и определил углы образующихся его граней, не руководился ли теми же побуждениями, которые заставили вас в минуты отдыха рассматривать и любоваться кристаллом? Быть может, всех влечет красота? О, нет,—карабкаясь по скалам, труженик—геолог не для красоты старался над ним, и физик и химик далеки были от эстетических побуждений. Нельзя не обратить внимания на то, что здесь участвуют два психических акта: в восприятии красоты—созерцание, в труде же геолога и физика—любопытность, т. е. сознание; в первом случае—чувство, во втором—рассудок, но в том и другом случае одинаково руководит человеком „ощущение бытия“, или, точнее, если скажем: „усвоение бытия“. Поэтому приятен звук даже не музыкальный: коростель, кузнечик на лугах, стук дятла—в лесу; с любопытством мы провожаем даже бег удаляющейся лошади; нам всего дороже в мире бытие; ощущение или сознание его нам доставляет глубокое чувство удовлетворения. Это неизбежное свойство „познающего“ нисходит по лестнице организмов в недостижимую даль прошлого; на этой любви к бытию воспитаны все организмы. Развитие органов ощущений в эволюции живых организмов—это альфа и омега всего

живого. Познание мира—это путь развития ощущений. Среди одушевленных организмов*, не познавая мира, никто не имеет как бы права на существование. При каждом шаге природы вперед—читаем мы у Аристотеля—при каждой достигаемой ей ступени развития, она лучше понимается, яснее указывает на смысл своего бытия и яснее понимает сама себя. В начале она была как бы погружена в глубокий сон, без жизни, без мысли; мало-по-малу она находит себя, пробуждается и сознает сама себя“. Самые низшие организмы, еще до разветвления на животных и растения, носят в себе, так сказать, скрыто все органы ощущений, в дальнейшем постепенно выделяющиеся и дифференцирующиеся. Купаясь в сине-зеленых прозрачных волнах моря, возьмите в руки и всмотритесь в изящную медузу, еще не успевшую обезобразиться ударами волн о камни. Солнце блестит на ее стекловидной поверхности, оно пронизывает лучами все ее прозрачное тело. Вглядитесь, какая масса неожиданных подробностей. Розовые жилки, кружевная бахрома дыхательных органов, нежные, как вылитые из стекла нити и усики. Она еще не имеет выделенных органов ощущений; она видит и слышит, осязает всей поверхностью, всем своим прозрачным и нежным телом; эти ощущения смутны, минимально слабы, но они есть. Так же смутно и слабо ее сознание и воля, и они-то и гонят, толкают, принуждают к бытию. Даже цветок, повертывающийся к солнцу свой прекрасный венчик, как-будто понуждается к тому тем же вечным инстинктом, движущим все живое по пути наибольшего вероятия к существованию, т. е. возможности ощущать свое бытие. Растение, проросшее в темном подземельи, вытягивает бледный и хрупкий свой стебелек к отверстию, из которого проходит дневной свет и, как бы ощущая его, выходит чрез него на волю, цветет и дает плоды. С самых первых ступеней лестницы организмов жажда жизни, вернее—„бытия“, была единственным могучим рычагом,двигающим „всех и вся“ в мировой эволюции к совершенствованию. Все, носившее в большей степени задатки этой жажды, вследствие естественного подбора, оставалось для „существования“ и продолжало свой род; все же, лишенное привязанности к жизни,—гибло, исчезало и не продолжало себя. Сходно с тем, что как будто темная, крошечная бездна небытия вечно отталкивает, „отмечает, гонит от себя, в непреодолимом стремлении заставляя все, во что быто ни стало, „быть“. Ощущение бытия, любовь к жизни, ко всему сущему, радость тому, что „я есмь“, существую,—вот, повидимому, тот клич, который послужит нам для определения понятия о красоте.

* Кристаллы некоторыми относятся к неодушевленным организмам.

II. ТЕОРИЯ ФОРМЫ.

Бытие—обнаружение
идей в формах.

Аристотель утверждал: „где есть множественность, там и разнообразие, там и различные отношения между различными существами. Все существующее едино, и все единое существует.“ Исходя из этого положения, все существующее следует рассматривать как бесконечное скопление материальных и отвлеченных отдельностей с определенными свойствами или признаками. При этом эти свойства концентрируются около главного; они подчинены ему. Следовательно, каждая отдельность, во-первых, — „единство и цельность“. Второе же аристотелевское положение—„разнообразие“—делает ее различаемой и, если мы к этим двум основам прибавим способность к изменению и то, что каждая отдельность соответствует правильно составленному о ней понятию—тождественна ему*, то мы тем самым исчерпаем все основы существования всякой отдельности. Без этих условий, хотя и внешних, ничто не может существовать. Будем называть эту схему, по которой складывается все существующее, формой бытия и примем ее свойства: единство целого (устойчивость), различаемость, изменяемость и тождество с понятием—за ее основы.

Без идеи нет формы; последние являются только внешним выражением их; это—письменные знаки, посредством которых обнаруживаются идеи; без них сознание никогда не прочтет идей, скрытых в нем самом, образующих его и исходящих из него.

1. Единство целого. Всякая форма представляет собою нечто целое: свойства как бы стянуты к центру, они подчинены ему. Всякое твердое тело имеет центр тяжести, всякая мысль сконцентрирована около центра внимания. Аристотелевские выражения: „целое было раньше частей“, „первичность целого перед частями“, „единство“—это признаки всякой формы; в простейших достаточно единства, выраженного повторением одного и того же элемента. Таковым является звук, слагающийся из определенного количества звуковых воздушных волн, число и т. д. Но формы могут быть и до бесконечности сложными, например—человек. Его физическая сторона—бесконечная цепь соподчиненностей целому живому организму. Его психический мир это—абсолютно бесконечный океан отвлеченных форм, сводимых к нравственному началу—понятию о „должном“. Наиболее идеально выраженное единство формы обна-

* „Мысль тождественна с объектом мысли“. Парменид.

руживается в мыслительных наших приемах: обобщении и заключении; „грамматическое предложение“—идеальнейшая отвлеченная форма. В мире материальном можно указать как на наиболее выраженное единство целого—на шар. Кристалл хрусталя, послуживший нам объектом внимания в начале предлагаемого труда, потому идеальная форма, что его части подчинены целому и настолько постоянны образующие его плоскости, что если мы возьмем десятки, сотни, миллионы кристаллов горного хрусталя, углы, образуемые его плоскостями, неизменно останутся постоянными и основные оси кристалла пересекутся всегда под одними и теми же углами. Кристалл известкового шпата всегда ромб, кристалл поваренной соли—куб. Все части этих тел подчинены этим геометрическим фигурам. Вероятно и в дальнейшем, форма атома тоже ромбоидальна, кубична и т. д. И если кристаллы этих тел увеличивать до неопределенных размеров, то и тогда ромб и куб останутся неизменными. Это равносильно тому: какую бы мысль, самую гениальную или самую простую, мы старались выразить, она неизбежно сложится в форме грамматического предложения. Про форму можно сказать так: она есть то, как обнаруживается содержание или идея, а самую идею следует рассматривать как что, обнаруживаемое формой. Так как вышеприведенные определения формы присущи всякой вещи, явлению, предмету, объекту и т. д., то и будем считать эти понятия синонимами понятия „форма“. Всякое явление и понятие прежде всего форма, нечто, ограниченное признаками, выделяющими это „нечто“ из ряда других понятий и явлений. Об идее материальной формы Аристотель говорит так: „Вещество и форма синонимы силы и действия. Кроме того, то, что есть вещество по отношению к моей или другой форме,—например, мрамор, будучи веществом по отношению к статуе,—уже может иметь форму и свойственные ей качества; и у мрамора есть форма и свойства: он не абсолютно бесформен и неопределен. Мрамор есть уже форма составляющего его вещества, имеет определенный состав элементов, внутреннюю структуру, и так далее. Эти элементы в отдельности, в свою очередь, тоже имеют форму и т. д.* В заключение следует сказать: и сама материя—вещество, есть также форма с определенными свойствами, наукой точно установленными. Единство целого — краеугольный камень всего существующего, и поскольку форма едина сама в себе, постольку она остается неизменяемой и постольку существует. Все существующее стремится утвердиться в бытии, т. е. быть постоянным, вечным, будь это отрицательная форма или положительная—безразлично, и только влияние на нее других форм делает ее изменяемой.

* История философии Ф у л ь е.

Как мы увидим в дальнейшем, отрицательные формы, именно, те, в которых первичная основа, „угольность“, наименее выражена и тем самым не дает гарантий к дальнейшему их существованию и устойчивому бытию. Все, что несет в себе задатки смерти и разложения,—подвержено уничтожению.

2. Различаемость. Данная форма ограничена только ей принадлежащими признаками. Отсюда общепринятое выражение: „мир складывается из противоположностей“, так как при самом поверхностном взгляде на действительность, прежде всего обращают на себя внимание противоположности; свет—тьма, бытие—ничто, положительный—отрицательный; движение—покой и т. д. Противуположности наиболее различаемы. Познавательные наши способности базируются главным образом на противоположностях. Мышление сначала устанавливает различия—это первое впечатление объекта на субъект, и потом уже чрез сравнение отыскивается в них сходство—общие признаки; происходит обобщение. Поэтому, первые проблески сознания на лестнице организмов сначала проявляются во впечатлениях противоположностей. На низших ступенях моллюски могут ощущать только тепло и холод; в дальнейшем развитии—свет и темноту. Ребенок сначала также реагирует на противоположные ощущения, как более резко разнящиеся.

3. Изменяемость. Всякая форма сама в себе постоянна, но, благодаря взаимодействию и влиянию на нее других форм, она изменяется. Если устранить возможность влияния и взаимодействия друг на друга каждой отдельности, то мы будем свидетелями длящихся в беспредельность времени, неизменяемых и косных форм и будем лишены жизни и движения. Единство целого (устойчивость) и способность к изменению—два равнодействующих начала формообразовательного процесса—являются альфой и омегой мирового творчества. С одной стороны, все стремится быть постоянным и устойчивым, с другой—все изменяется. В изменении и закреплении форм протекает жизнь. Изменяются как положительные, так и отрицательные формы. Но так как в мире нет ничего постоянного, кроме абсолютного, то третий принцип (изменяемости) становится властелином всего сущего. Ни одной материальной формы или проявления материи не существует неизменяемым; ни одной идеи, кроме высших и категорий неизбежностей, т. е. непреложных законов, нет неизменяемых. Кристалл горного хрусталя выветрится и рассыплется; а „идея человечества“, благодаря стремлению к совершенствованию,—чрез тысячи лет—мы не знаем в какой выльется облик. Воля—энергия в неудержимом вечном напоре понуждает сознание беспрестанно зарождать новые и новые идеи и осуществлять в

вечно изменяющихся формах. Из этого следует: каждая отдельность может быть рассматриваема, как видоизмененная какая-нибудь другая.* Большинство наших мыслей вытекают одна из другой, и всегда представляется возможным каждую видоизмененную считать обособленной и самостоятельной, если ее „различаемость“ достаточна для того. В мысли, выраженной в форме предложения, внимание всегда может быть направлено на какую-нибудь часть его, и эта часть может быть выделена и, привходящая, пополнить основную; но и эта вторая, в свою очередь, может быть снова развита, и т. д. Бабочка, прежде чем дойти до прелестного, порхающего в лучах солнца создания, должна пройти две ступени: ползающую личинку и бесдвижную куколку; каждую из них можно считать за самостоятельную, а также и за метаморфозу бабочки на том основании, что различаемость их весьма существенная, но и в то же время каждая—только переходная ступень к бабочке. Художник, работающий над картиной целые годы, и изменяя свое произведение, наконец может прийти к заключению, что первоначальная картина была совершенно другой, чем то, что он сделал впоследствии. То же можно сказать и относительно литературного произведения. Теория Дарвина о происхождении видов, это теория наследственной преемственности признаков, измененных соответственно свойствам воспринявшего их индивидуума. Преемственное изменение—один из элементов творчества. Это третье свойство формы является „привходящим“, так как в конце концов, все таки, остаются всегда неизменными только два первых: единство и различаемость. Для тесного ограничения области какой-нибудь формы достаточно нескольких существенных признаков, а далее может быть целый ряд привходящих, вытекающих из главных, или являющихся самостоятельными, но второстепенными, которые в свою очередь тоже могут быть распределены согласно своему значению на главные и второстепенные. Преемственность сводится к способности объектов к изменению. Необходимо иметь в виду, что всякое изменение неизбежно связано с переходными формами, т. е. с относительной преемственностью. Ничто не может изменяться скачками.

Неизбежное условие восприятия нами внешнего мира: тождественное соответствие объекта и его понятия и представления составляет основу мышления и входит в теорию формы, как

* Единство физических энергий обнаруживается главным образом в способности перехода одной в другую: электричество

переходит в теплоту, теплота—в свет
молекулярное движение—в массовое механическое и т. д.

четвертое ее определение*. Если мы сравним познающего с зеркалом, то способность впечатления будет соответствовать зеркальной поверхности, а само изображение—способности составлять понятия и представления. Как тождественны объект с отражением, также должны быть тождественны объект и его понятие и представление.

Первые два свойства, единство целого и различаемость—следует рассматривать как основные или потенциальные, неизменно остающиеся всегда, тогда как изменяемость и тождественность с понятием и представлением могут быть рассматриваемы как привходящие или активные. Если мы вообразим на мгновение остановившуюся мировую волю—энергию, то будем свидетелями застывших форм, различаемых и единых в целом; содержание их останется неизменным, на подобие картины или скульптурного произведения. Только при напоре волевой волны снова последует формообразование, т. е. видоизменение, и получится ряд новых понятий и представлений. Пока можно сказать: первые два определения—функции сознания; третье и четвертое—функции воли—энергии. Вопрос об отношении основных принципов бытия: объективного или скрытого—сознания и воли—энергии, не входя в программу первой статьи, будет подробно рассмотрен во второй.

Если некоторые явления отвлеченного характера, повидимому, и не укладываются в категорию формы, то только потому, что не поддаются рассудочным определениям. Таковы, некоторые внутренние чувства и ощущения, настроения, мимолетные впечатления и т. д., но, тем не менее, им нельзя не приписать единство целого и различаемость от других явлений. Физические силы, как наисильнейшие воздействия при образовании объектов, следует рассматривать также только, как формы энергии, проявляющиеся в материальном движении материи различного характера.

Искрящийся и переливающийся в лучах солнца кристалл горного хрусталя—материальная форма, которая, при помощи зрительного впечатления, во-первых, вызывает в нас определенное представление, а во-вторых, возбуждает чувство восторга и побуждает руку художника изобразить его очарование, а гранильщика—воспроизвести в искусственных кристаллах и граненых сосудах. Мы радуемся прекрасным формам и любим их. Кусок мрамора под рукой гениального мастера вылился в дивные формы человеческого тела в бессмертной Милосской Венере. Мы любимся стройным

* „Познавать—значит замечать единство в разнообразии, приводить явления к законам, менее общие законы к более общим; познавать—значит видеть все объекты в их единстве, в их совершенстве и

в их идее. Идея, кроме того, что она есть принцип бытия, есть так же и принцип познания“. Так определяет Платон отношение познающего к объектам.

и величественным зданием Парфенона. Подолгу стоим перед картиной с прекрасным исполнением и глубоким содержанием. Очарованы сложным и красивым орнаментом. Любимое место на высоком берегу реки, на обрыве, посещается нами охотно и летом и осенью и весной. Нам приятно созерцание далей и ближней рощи под горой и извивов зеркальной поверхности реки, и деревень, раскиданных то там, то здесь по склонам. Что же так настойчиво тянет сюда на берег и заставляет получать впечатления? Красота созерцаемого. Но это не исчерпывает вопроса и задает еще более существенные вопросы. Что же сама-по-себе красота в объекте, и почему именно красота радует нас, а не что-нибудь другое и, тем более, противоположное ей? Счастливое совпадение слова с понятием нам отчасти разрешает загадку: если в слове безобразный—антитезе прекрасного,—переставить ударение—безобразный, т. е. без образа, нечто, не имеющее формы, не имеющее цельного единства,—является в то же время как характеристика противоположного красоте. Нам вообще приятно усваивать формы с помощью ли сознания, созерцания, слуха, осязания или обоняния, например, когда мы любим цветы и нюхаем их. Нам приятен самый вид предметов, ощущение их. Нам нравится дерево, лошадь, зеленый цвет, красный и фиолетовый, звук; подобно слепцам, нам нравится ощупывать и гладить рукой поверхность блестящих твердых тел, вдыхать воздух, ощущать его запах и т. д., помимо того, имеют ли они какое-нибудь отношение к красоте или нет. Нам нравится рассматривать даже некрасивые предметы, даже безобразные, потому только, что мы „любим знать“, усваивать предмет; проще говоря: нам нравится бытие. Но в области прекрасных явлений, кроме того, нас еще что-то усиленно радует, восторгает, влечет к себе и заставляет творить их.* Нет надобности долго останавливаться на том, чтобы доказать неизбежность наслаждения при восприятии красоты; оно есть условие, способствующее бытию. В постепенном ходе образования живых организмов вырабатывалось законом наследственности необходимое условие: положительное ощущение удовольствия при внешних воздействиях, способствующих существованию, и ощущение страдания (отрицательное ощущение)—при воздействиях разрушительных, угрожающих бытию. Наслаждение—это только приманка для того, чтобы понуждать все живое к существованию. Организмы, в наибольшей степени совмещавшие в себе это свойство, конечно, имели и больше шансов на существование. Наслаждение при физиологических отправлениях:—утоление жажды, голода и т. д.—совершенно того же свойства.

* Этот вопрос будет подробно рассмотрен в IV главе.